

Лилиана Тимченко*

Liliana Timchenko

**Учение о признании государств
в международно-правовой доктрине
классического периода (по материалам
исследования М.А. Циммермана
«Вмешательство и признание
в международном праве»)**

**The doctrine of the recognition of states
in the international legal doctrine of the classical period
(based on the research of M.A. Zimmermann
“Intervention and recognition in international law”)**

STUDIA I ANALIZY

Ключевые слова: институт признания, М.А. Циммерман, государство, критерии государственности, эффективность международного права

Keywords: institute of recognition, M.A. Zimmermann, state, criteria of recognition, effectiveness of international law

Аннотация: Исследователям трудно объяснить феномен признания государств. Автор решила рассмотреть этот вопрос через призму доктрины признания государств в классическом международном праве. Основой для данной работы стало исследование наиболее плодотворного ученого российской иммиграции – М.А. Циммермана. Основная гипотеза статьи сфокусирована вокруг идеи о том, что узкие политические интересы государства могут быть преодолены только силой сбалансированных коллективных правовых решений по вопросу признания.

* ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4433-1077>, кандидат юридических наук, доцент кафедры международных отношений и международного права Факультета права и международных отношений Киевского университета имени Бориса Гринченко, Киев, Украина.

Abstract: *It is difficult for researchers to explain the phenomenon of recognition of States. The author had decided to address the issue from the perspective of the doctrine of State recognition in classical international law. The basis for this work was the study of the most prolific scientist of the Russian immigration – M.A. Zimmerman. The main hypothesis of the article is focused on the idea that narrow political interests of the state may be overcome only by the force of balanced collective legal decisions on the issue of recognition.*

К проблеме признания государств в международном праве обращалось не одно поколение юристов и политологов. При наличии такого количества диссертационных исследований, научных и публицистических работ ответ на вопрос о содержательной части учения о признании государств должен бы быть очевидным. Но на практике этого не произошло. Исследователи испытывают сложности в объяснении правовой природы признания. Является ли признание исключительно дипломатическим актом? В чём суть правовой составляющей акта признания? Каковы критерии признания государств? Почему, обладая солидной обычно-правовой практикой, международное сообщество не кодифицирует нормы о признании государств?

На эти и другие вопросы мы решили взглянуть через призму учения о признании государств в международно-правовой доктрине классического периода. Основой для такой работы стало исследование талантливого ученого российской иммиграции – Михаила Артуровича Циммермана (1887, Кутаиси – 1935, Брно) «Вмешательство и признание в международном праве», опубликованное в 1926 г. в Праге¹. Выбор этого труда обусловлен намерением ввести в научный оборот исследование, ставшее пророческим по отношению к ситуации, сложившейся в практике признания государств сегодня. Помимо аналитической оценки монографии М.А. Циммермана, в статье осуществлен синтез положений Статута Лиги Наций 1919 г. и Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г., а также международно-правовой доктрины классического и современного периода, способствующий разрешению многолетнего спора представителей декларативной и конститутивной теории признания о процедуре возникновения нового государства. Основная

---

¹ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 141. В.Э. Грабарь, детально исследовавший историю литературы международного права в России в период с 1647 г. по 1917 г., указывал на то, что специальных работ, посвященных возникновению государств и их признанию, не было. Об этом см.: В.Э. Грабарь, *Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)*, Москва 1958, с. 395. Были ли подготовлены труды по данной тематике начиная с 1917 г. и до 1926 г. нам не удалось установить.

гипотеза данной работы заключается в том, что узкие политические интересы государства могут быть преодолены только силой принятия сбалансированных коллективных правовых решений в вопросе признания.

Как возникает государство?

Большинство современников М.А. Циммермана исходило из того, что возникновение государства не находится в сфере компетенции международного права². Ответ на вопрос о том, как возникает государство, следует искать в государственном праве либо в истории³. Ученые обосновывали позицию о том, что возникновение государства – это вопрос факта, а не права. Об этом писал А.М. Горовцев, ссылаясь на работы швейцарского исследователя Й.К. Блунчли (J.G. Bluntschli), немецких юристов Э. Ульмана (E. Von Ullmann) и Л. Оппенгейма (L. Oppenheim)⁴. Такой подход обусловлен объяснением происхождения государства с естественно-правовой позиции образца XVII в. Здесь государство эгоцентрично. Обладая набором рожденных прав, оно не зависит от воли других государств и отстаивает собственное видение международного правопорядка⁵. М.А. Циммерман не приемлет такой подход. В своей работе он говорит о невозможности смешения факта и права⁶. «Теоретически, – пишет М.А. Циммерман, – субъект права существует только в силу объективной нормы, а практически нужны материальные предпосылки, создающие мета-юридическое представление, что он живет сам по себе»⁷. М.А. Циммерман иллюстрирует своё объяснение примером из истории, когда Бельгийские провинции, объявившие себя в 1789 г. независимым государством, так и не обрели статуса субъекта

² В работе И. Рогалевица мы встречаем прямое указание на то, что «исследование процесса развития государств не есть дело международного права». И. Рогалевиц, *Краткий курс по международному праву*, Санкт-Петербург 1902, с. 17.

³ Л. Камаровский, *Основные вопросы науки международного права*, Москва 1895, с. 126.

⁴ Цитируется в работе: А.М. Горовцев, *Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия*, Санкт-Петербург 1909, с. 494. Более подробно в исследованиях: J.G. Bluntschli, *Das Moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten*, Nördlingen 1868; E. Von Ullmann, *Das öffentliche Recht der Gegenwart*, Tübingen 1908; L. Oppenheim, *International law: a treatise*, London 1920, Vol. 1, § 209 (1).

⁵ В своем исследовании он ссылаясь на работы таких авторитетных представителей естественного права, как Т. Гоббс (*De Cive*, 1642) и Б. Спиноза (*Tractatus theologico-politicus*, 1670; *Tractatus politicus*, 1672). См. работу: М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 141.

⁶ Там же, с. 146.

⁷ Там же, с. 147.

международного права, а рассматривались европейскими государствами как восставшие провинции⁸.

«Неправильным» считал М.А. Циммерман утверждение позитивной школы о том, что рождение государств следует относить к области истории и политики, что государство является скорее творцом, нежели созданием права⁹.

М.А. Циммермана интересовала сама природа правовых отношений, приводящих к жизни новое политико-правовое образование. Он приводит забытую позицию шотландского профессора Дж. Лоримера, который считал недопустимым строить систему права из жизненных или фактических условий¹⁰.

К началу XX в. правовая доктрина уже окончательно определилась со своим видением сущности государства. Ч. Кальво необходимыми основами понятия государства называл: наличие прочного сообщества (*société stable*); способность поддерживать собственными силами свою независимость; власти, уполномоченной вести государство к намеченным им целям (*chargée de la diriger vers le but qu'elle se propose*)¹¹. В 1933 г. нормы о критериях государственности получили своё закрепление в региональном документе – Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств. В ст. 1 Конвенции было зафиксировано: «Государство, как субъект международного права, должно обладать следующими условиями (*qualifications*): а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство; и d) способность вступать во взаимоотношения с другими государствами»¹². Для осознания факта существования новой государственности, международному сообществу важно проявление не только внутреннего суверенитета, но и его внешней стороны (дееспособность)¹³. Но как подтвердить это качество и обусловить этот критерий? На этот вопрос развернуто ответил М.А. Циммерман в своей работе: «Признание это конкретный индуктивный способ и средство, при помощи которого одно государство убеждается, что другое образование имеет самостоятельное политическое существование и, другими словами, что оно может выполнять обязанности, возлагаемые на него международной жизнью и потому может притязать и на права»¹⁴.

---

⁸ Там же, с. 144.

⁹ Там же, с. 151.

¹⁰ Там же, с. 147.

¹¹ Цитируется по работе: А.М. Горовцев, *Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия*, Санкт-Петербург 1909, с. 288.

¹² См. текст конвенции: M.W. Janis, J.E. Noyes, *Cases and Commentary on International Law*, St. Paul, Minn. 1997, с. 364–365.

¹³ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 171, 172.

¹⁴ Там же, с. 148.

Создаёт ли акт о признании новый субъект международного права?

В отличие от индивида, пришедшего к жизни по воле Божьей, государство становится участником международных отношений не только по причине самоорганизации, но и в силу соответствия уровню развития других государств. В этом смысле расширил представление о критериях признания Дж.Ф. Уильямс (1870–1947): «Членство в новом обществе должно быть правом всех организованных суверенных общин, чья цивилизация позволяет им понимать и признавать международные обязанности – даже если они иногда не справляются...»¹⁵. Такое умозаключение авторитетного английского юриста-международника говорит: 1) о возможности любого политико-правового образования, обладающего суверенитетом, претендовать на статус субъекта международного права; 2) о необходимости нового претендента быть «цивилизованным», в силу чего он сможет верно интерпретировать свои обязанности перед иными участниками международного сообщества; 3) о намерении принимать на себя обязанности, свойственные этому «цивилизованному» сообществу.

Обобщая наработки своих современников, М.А. Циммерман делает вывод о невозможности предоставить простую бланкетную норму для автоматического возникновения субъекта права. Наличие власти; население, подчиняющееся власти; территориальные пределы господства являются материальными предпосылками признания¹⁶. Верховной властью в международной жизни обладает право, но не государство¹⁷. Первой бесспорной предпосылкой для международного признания нового образования является момент, когда «новый властный правопорядок признается управляющими и управляемыми, когда торжественно провозглашается независимость...»¹⁸. Определить изначально материальную способность народа нести права и обязанности «очень трудно, почти невозможно», – полагает М.А. Циммерман¹⁹. Причинами национальной и политической самостоятельности автор называет внешнюю помощь, имея в виду вмешательство и международную инвестиру. В этом смысле показателен пример британской революции

¹⁵ Цитируется по: J.F. Williams, *Recognition*, «Transactions of the Grotius Society» 1929, Vol. 15, с. 60.

¹⁶ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 170.

¹⁷ Там же, с. 171.

¹⁸ Там же, с. 173.

¹⁹ Там же, с. 174.

1689 г., которая произошла в силу прямого вмешательства голландского правительства и голландских войск во внутренние дела Англии²⁰.

М.А. Циммерман осознавал, что, несмотря на то, что содержательно международное право основывается на высших человеческих ценностях, на едином моральном источнике, вопрос о возникновении нового субъекта права может предопределяться и политическими соображениями, чуждыми праву; только «высшая международная законодательная инстанция» способна предотвратить «чистый произвол государств» и не допустить в международно-правовое общение народов такие системы, как цезаризм (*la monarchie intolérante*), революционная республика (Франция эпохи Конвента – *la république intolérante*), анархия²¹. Действительно, любое политико-правовое образование, не признающее мирные способы разрешения споров, полагающееся на право силы, потенциально способно привести к крушению всей системы международно-правовых отношений. И этому есть масса подтверждений как в международно-правовых отношениях классического периода, так и в современном международном праве (СССР с отказом от исполнения целого ряда международно-правовых обязательств, современная Российская Федерация с агрессивными действиями против Украины, Грузии, Республики Молдова).

М.А. Циммерман не во всём принимает позицию Дж. Лоримера. «Признание у *J. Lorimer* становится вмешательством и утверждается теория *normalità*... в смысле необходимости раз навсегда зафиксировать некоторый средний государственный строй, одинаково приемлемый для современных цивилизованных христианских государств и поэтому единственно допустимый и для новых субъектов международно-правового общения», – пишет он²². Забегая наперед заметим, что в Декларации «Руководящих принципов признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе», которая была подписана 16 декабря 1991 г.²³, государства-члены Европейского Союза выписали современное понимание о критериях цивилизованности. С позиции права, положения этой декларации не более чем политические намерения. Государства-члены ЕС сформулировали их для внутренних целей, для определения консолидированной позиции такого уникального международно-правового образования, как ЕС. Тем не менее, они чётко

²⁰ Там же, с. 174.

²¹ Там же, с. 148, 149.

²² Там же, с. 150.

²³ См. документ: EUROPEAN COMMUNITY: DECLARATION ON YUGOSLAVIA AND ON THE GUIDELINES ON THE RECOGNITION OF NEW STATES, *International Legal Materials*, Vol. 31, No. 6 (NOVEMBER 1992), с. 1485–1487, https://www.jstor.org/stable/20693758?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents (24.07.2020).

обрисовывают образ современного государства, которое является желательным и допустимым для вступления в общение с ЕС.

Вступление государства в международное общение на ранних этапах сосуществования государства достаточно сложно. Интересен пример появления в числе цивилизованных государств Московской Руси. М.А. Циммерман цитирует позиции Ф. Мартенса и А.С. Херши (A.S. Hershey), которые были уверены, что Московская Русь, как государство полу-цивилизованное, не была членом международного общения²⁴ и указывает на то, что никаких конклюдентных актов о вступлении Московской Руси не было, «никакое вступление вообще не имело места»²⁵.

Подвергает критике М.А. Циммерман понятие «международное общение», задаваясь вопросом о его содержании. «Если понимать под общением «правовое» общение, т.е. факт признания комплексом государств наличности хотя бы одной *общей* нормы международного права, – пишет он, – то такое общение обнимало весь мир и охватывало все народы, христианские и языческие, цивилизованные и не-цивилизованные»²⁶. Если же речь идёт о «тесных культурных и религиозных связях между народами Европы», то «теоретически недопустимо сводить к ним или выводить из них правовую систему»²⁷.

Какова юридическая природа акта признания государства?

Современные ученые практически единодушны в том, что признание является односторонним актом, посредством которого «государства подтверждают существование определённого юридического факта, принимают на себя обязательство не оспаривать его действие в будущем, создавая таким образом новую международно-правовую норму»²⁸. Такой же была позиция и самого М.А. Циммермана, который говорил о принципе индивидуализации и специализации в международном праве, где признание – односторонний

²⁴ Ф. Мартенс считал, что «постоянные» и «правильные» отношения Московской Руси «начались не ранее царствования Петра Великого и только при Екатерине II получили твёрдую почву». А.С. Херши говорит о «молчаливом признании», отмечая невозможность установить точную дату принятия Московской Руси в международную жизнь». См. подробнее в работе: М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 158.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ С.А. Мельник, *Односторонние акты государства в современном международном праве*, Одесса 2011, с. 147–148.

акт. Отсюда, «в действующем праве нет права на признание, но есть право признания»²⁹. Признание же, по мнению Г. Кельзена, является двусторонним юридическим актом, «при котором признаваемое государство выражает волю, направленную к заключению сделки и, следовательно, оно уже должно быть субъектом права. Отсюда вытекает, что до признания новое государство обладает дееспособностью, хотя в ограниченных размерах»³⁰. И эта конструкция неверна. В подтверждение М.А. Циммерман приводит пример Румынии, Сербии и Черногории, признанных субъектами международного права на Берлинском конгрессе 1878 г., хотя они и не были субъектами, а были дестинаторами соглашения государств³¹. Противоречивость теории Г. Кельзена, по мнению М.А. Циммермана, объясняется политическими соображениями, которые сводились к тому, чтобы установление Австрийской Республики, как субъекта международного права, не зависело бы от воли отдельных старых государств³².

Очевидно, что, описывая юридическую природу признания государств, М.А. Циммерману удалось наиболее точно отобразить реальное её содержание. В 1926 г. финский юрист Р.В. Эрих в докладе «Рождение и признание государств» определил признание как «односторонний акт, посредством которого государство подтверждает, принимает или ... высказывается в положительном смысле в отношении определенной фактической ситуации, в отношении существования какого-то организма, в отношении определенного статута, в отношении какого-то определенного изменения, которое произошло в международных отношениях»³³. За год до сделанного Р.В. Эрихом обобщения, М.А. Циммерман приходит к подобному выводу, делая содержательную часть этого понятия более ясной. Он полагает, что через формальное внешнее констатирование признание придаёт системе иррелевантных правоотношений характер юридического лица³⁴. По мнению М.А. Циммермана, правовое значение имеет волеизъявление старого государства, а не инициатива нового, где старое государство «выполняет функции всего правопорядка в целом»³⁵. Здесь значение признания заключается в активной роли правопорядка при принятии в общение нового члена.

²⁹ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 186.

³⁰ Там же, с. 184.

³¹ Там же, с. 186.

³² Там же.

³³ Цитируется по: Р.А. Каламкарян, *Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств*, Москва 1984, с. 42.

³⁴ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 169.

³⁵ Там же, с. 169, 170.

В этом смысле показателен пример Лиги Наций, которая «производит целое расследование о правовой структуре принимаемого государства и возлагает на него совершенно односторонне очень тяжелые обязанности»³⁶.

Со ссылкой на В. Шюкинга и Х. Вехберга (W. Schücking, H. Wehberg)³⁷ М.А. Циммерман говорит о несоразмерности признающей и признаваемой сторон. «Формально, – пишет М.А. Циммерман, – новое государство не произносит и не в праве произносить суждение о Лиге, а между тем Лига позволяет себе суд и расправу над принимаемым государством, потому что у Лиги имеются в зародыше и некоторые карательные санкции против государств непринимаемых, или находящихся вне Лиги»³⁸. М.А. Циммерман активно включается в дискуссию о соотношении критериев признания государств и критериев их членства в международных организациях. По его мнению, «наиболее законченным видом коллективного признания является прием в состав Лиги Наций»³⁹. Здесь он отсылает читателя своей монографии к работам П. Фошиля (P.A.J. Fauchille), Ж. Сселя (G. Scelle), А. Вердросса (A. Verdross) и других авторитетных французских и немецких исследователей, полагающих, что приём в состав Лиги Наций являлся видом коллективного признания.

Анализируя практику Лиги Наций по вопросам принятия в членство государств и связи с признанием, однозначен вывод о её противоречивости. Эту же идею аргументированно изложил М.А. Циммерман: «В самой Лиге Наций не сознавали ясно правового значения принятия в смысле коллективного признания»⁴⁰. Сообразно положениям ст. 1 Статута Лиги Наций 1919 г. членами Лиги могли стать государства с полной дееспособностью, а также государства-колонии (например, Австралия, Южная Африка, Канада). М.А. Циммерман уточняет, что в число членов Лиги могли войти «самовластная территориальная корпорация», «свободно управляемая», принявшая порядок вооружения, признанный Лигой Наций, подходящим, давшая гарантии соблюдения международных обязательств, гарантирующая и уважающая права национальных меньшинств»⁴¹.

В 1920 г. Специальная комиссия, в составе Анцилотти (Anzilotti), Ван Хамеля (van Hamel), Карнебека (Karnebeek), изучала вопрос о соотношении членства государств в международной организации и признания государств.

³⁶ Там же, с. 170.

³⁷ W. Schücking, H. Wehberg, *Die Satzung des Völkerbundes*, R.G. 1921.

³⁸ М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926, с. 170.

³⁹ Там же, с. 189.

⁴⁰ Там же, с. 190.

⁴¹ Там же.

Она не решилась расширить толкование ст. 1 в пользу уравнивания членства государств и признания государств. «Юридически однако иначе толковать принятие невозможно, – пишет М.А. Циммерман, – и принятие в 1921 г. Эстонии, Латвии было их признанием со стороны Лиги в целом и со стороны тех центрально и южно-американских государств, которые до этого момента в индивидуальном порядке не признали отделившихся от России образований»⁴².

Ценность коллективного признания на том этапе сводилась к тому, что оно давало определённые гарантии новым образованиям, в частности, «мирные непрерывные сношения». Эти «мирные непрерывные сношения» могли устанавливаться исключительно при взаимном признании друг за другом полной дееспособности⁴³.

Правовым последствием признания правоспособности и исходящей из неё дееспособности молодого государства, является обязательство старых государств воздерживаться от противоправных действий по отношению к новому государству. В случае совершения противоправных действий старые государства несут ответственность перед новым государством и должны либо восстановить прежний порядок, либо возместить убытки⁴⁴. И в обратном порядке. Старые государства не должны страдать от отсутствия субъекта деликта. Красноречиво и содержательно точно сформулировал эту идею английский министр иностранных дел Дж. Каннинг (1770–1827): «Старое правительство (испанское) не может нести ответственность за акты, совершаемые в областях, где оно не осуществляет и тени контроля. С другой стороны, если население фактически создало для себя условия самостоятельного политического существования, и если это самостоятельное существование не признается (другими государствами), тогда это население или становится в положение полной безответственности за свои действия, или должно рассматриваться как скопище пиратов и лиц вне закона»⁴⁵.

В современной доктрине международного права неоднократно актуализировался вопрос о качествах, которые должны быть свойственны признающему государству. М.А. Циммерман ответил на этот вопрос в 1926 г. Признание может исходить исключительно от субъектов права, не ограниченных в своей собственной дееспособности, и, что не менее важно, признающий должен быть «активным деятелем права»⁴⁶. Такими качествами, по мнению М.А. Циммермана, обладают государства и союзы государств, а именно:

---

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 189.

⁴⁴ Там же, с. 180.

⁴⁵ Там же, с. 181.

⁴⁶ Там же, с. 172.

Лига Наций, ранее Германский Союз, Швейцарский Союз, Союз Нидерландов. Резко ограниченной дееспособностью обладают полу-суверенные государства (находящиеся под протекторатом, или входящие в состав союзного государства) либо государственно подобные образования (воюющие стороны, восставшие племена, Католическая Церковь)⁴⁷.

Международное закрепление обычно-правовых норм о признании государств

Одним из самых частых вопросов, которые задают современные исследователи в данной сфере, является вопрос о юридическом закреплении нормы о признании. Практика предоставления признания основывается на нормах обычного права. М.А. Циммерман говорит о: 1) непрерывности и древности такой международной практики; 2) её всеобщности; 3) о соответствии этой практики правоубеждению народов⁴⁸. Непрерывность обеспечивалась фактическим применением признания⁴⁹. Всеобщность определялась «единогласным *opinion doctorum*», сообразно которому «только через признание возможно установление правовых отношений между государствами, как субъектами международного права»⁵⁰.

Договорная фиксация подобных норм «теоретически довольно затруднительна», в силу того, что «осуществляется односторонней волей каждого старого государства», что даёт, в свою очередь, «возможность по мотивам чисто политического характера откладывать признание на долгие годы»⁵¹ и приводит к произволу. И тогда государства могут или уничтожить нового члена международного общения, «или сделать его существование невозможным»⁵². Но главный оценочный критерий процедуры признания, главное намерение состоит в том, что старые государства всегда могут и всегда стремятся сделать новое образование «по своему образу и подо-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, с. 162.

⁴⁹ При этом М.А. Циммерман напоминал о том, что наука международного права «не определяет и не может определить сроки, или количество аналогичных действий, в силу повторности и числа которых отдельные прецеденты могут получить высшее нормативное освящение, преобразуясь в «обычай». Может так быть, что речь идёт о прецедентах партикулярного характера, а не об обычае. И здесь М.А. Циммерман приводит пример норм войны на море и нейтралитета, применявшиеся Англией и считавшиеся ею нормами общими и обязательными и для других государств. Там же, с. 163.

⁵⁰ Там же, с. 163.

⁵¹ Там же, с. 161–162.

⁵² Там же, с. 162.

бию», они отвергают принцип координации и устанавливают опеку и контроль над новыми государствами⁵³. Отсюда, по мнению М.А. Циммермана, исходит «отрицательное отношение у целого ряда ученых к правовому значению признания и попытки придать ему чисто декларативный характер»⁵⁴. «На самом деле без признания нет субъекта», – полагает М.А. Циммерман. Он не признает удачными попытки Г. Кельзена и П. Хельборна, считающих, что непризнанное государство поддерживает международно-правовые отношения с другими государствами ещё до признания, в силу чего и претендует на признание, а другие государства обязаны предоставить признание⁵⁵. Еще более неудачной М.А. Циммерман считает попытку П. Хельборна считать новое государство связанным объективной нормой как часть государства, которое в силу своеобразного континуитета претендует на признание при условии выполнения им международных обязанностей⁵⁶.

Кратко описывая практику признания с 1648 по 1921 гг., М.А. Циммерман приходит к выводу о том, что «государства редко приводили ссылки на нормативное основание признания»⁵⁷. Исключения составляют отдельные эпизоды американской дипломатической практики⁵⁸.

Как же, в таком случае, установить факт наличия в международном праве обычая признавать государства? И М.А. Циммерман предлагает это делать опытным путем: «через восполнение формального провозглашения старины и всеобщности эмпирическими данными и через невозможность привести хотя бы один прецедент, отклоняющийся от общепринятых в данном случае действий»⁵⁹.

Заключение

Признанию как институту отведена почётная миссия гармонизатора мирового порядка. К этому выводу подводит нас М.А. Циммерман в финальной части своего исследования. Он пишет о том, что народы стараются приблизить право «к более общему и более высокому этическому идеалу», что право должно идти не только параллельно запросам реальности, но и впереди неё. «Учение о признании является не только проблемой данного

---

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 163.

⁵⁵ Там же, с. 184.

⁵⁶ Там же, с. 187.

⁵⁷ Там же, с. 168.

⁵⁸ Там же, с. 169.

⁵⁹ Там же.

существующего права, но и проблемой права живого, вечно изменяющего свою внешнюю форму и вечно ищущего приближения к целям выше него стоящим»⁶⁰.

Излагая собственное видение учения о признании, М.А. Циммерман основывался на большом количестве работ английских, американских, французских, немецких и некоторых российских авторов конца XIX – начала XX вв. В меру своих возможностей оно «трудно совместимо с действующим правом». Он пытался объективно отобразить в своём исследовании не только международную реальность, но и показать суть международно-правовых противоречий того периода. Согласимся с М.А. Циммерманом, в признании много противоречий, действительно, с одной стороны, речь идёт об эгоизме государства, который может быть на «службе преступления» и тогда «сила будет идти впереди права»⁶¹. С другой стороны, эффективное регулирование отношений возможно только коллективными способами при условии прозрачности отношений и договорённостей. И здесь практика Лиги Наций стала первой попыткой совершенно иной международно-правовой оценки (фактически, коллективного признания) внутреннего строя новых политических образований. «После эфемерных попыток Священного Союза, это первый шаг в области позитивного права установить взаимодействие между вселенскими, мировыми началами и принципами суверенной автархии отдельных государств», констатировал М.А. Циммерман⁶².

В доктрине международного права часто оспаривался факт зависимости правосубъектности государства от решения «действительных» субъектов международного права. И, возможно, авторы были бы правы, если бы претендент на статус субъекта международного права был бы способен реализовывать права и возложенные на него обязанности вне существующего правопорядка, вопреки принципам международного права. Но, ведь, известна простая логическая формула функционирования международного права: международное право создано государствами и для государств. Значит, в систему международно-правовых отношений могут быть «включены» только те участники, которые соответствуют «образу и подобию» действительных участников этих отношений, а именно: выражают свою приверженность основным целям и принципам международного права, способность реализовывать задекларированное ими в основных международно-правовых документах. Красноречиво обосновал взаимоотношения национального и наднационального М.А. Циммерман в своей работе: «Государства в своей совокупности и в своем одиночестве остаются тою мощью, от которой зави-

⁶⁰ Там же, с. 236.

⁶¹ Там же, с. 238.

⁶² Там же, с. 246.

сит вся существующая правовая система. Они могут идти на жертвы во имя этических и правовых требований, они могут проявить высшую степень альтруизма и глубокое сознание долга перед человечеством, но они могут стать и врагами рода человеческого, темным началом, сеющим вражду и ненависть в отношении к другим государствам. Личность и деятельность государств не может быть моментом вне поля зрения международного права в то мгновение, когда вместо анархической системы координации, закладываются первые основания иерархической и социально-служебной организации»⁶³.

М.А. Циммерман не был одинок в своих выводах. О том, что предоставление признания часто обуславливалось собственными интересами существующих государств, «эластичными соображениями политики»⁶⁴ писал Л. Камаровский. Такой вывод был закономерным. Международное право начала XX в. переживало кризис. Государства пытались отрицать его. Как отмечал профессор российского государственного права С.А. Корф, «германские государствоведы превозносят государственную власть, обоготворяя ее и считая единственным источником всякого права; благодаря последнему обстоятельству, им приходится безжалостно разделяться как с обычным, так и с международным правом...»⁶⁵.

В этом контексте, только юридически обоснованная теория, предполагающая прозрачные принципы признания, была способна заложить основу становлению новой государственности. Узкие политические интересы государства могут быть преодолены только силой принятия сбалансированных коллективных правовых решений в вопросе признания.

Работа М.А. Циммермана опередила своё время, стала пророческой. Фактически в ней описана картина, сложившаяся в международном праве к 2020 г. Новые политико-правовые образования становятся активными участниками международно-правовых отношений через достижение консенсуса относительно критериев признания, реализуемого в виде одностороннего акта признания. Международное право окончательно обрело статус права демократических государств, где все участники равны, ответственны перед всей системой и перед каждым участником. Главное правильно распорядиться сформировавшейся системой норм.

---

⁶³ Там же, с. 247.

⁶⁴ Л. Камаровский, *Основные вопросы науки международного права*, Москва 1895, с. 128.

⁶⁵ Более подробно в работе: А.А. Мережко, *Русская наука международного права в период Первой мировой войны*, Одесса 2014, с. 71.

Библиография

- J.G. Bluntschli, *Das Moderne Völkerrecht der Civilisirten Staaten*, Nördlingen 1868.
- A.M. Gorovtcev, *Mezhdunarodnoe pravo. Izbrannaia literatura. Kratkaia entsiklopediia*, Sankt-Peterburg 1909 (А.М. Горовцев, *Международное право. Избранная литература. Краткая энциклопедия*, Санкт-Петербург 1909).
- V.E. Grabar, *Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917)*, Moskva 1958 (В.Э. Грабарь, *Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917)*, Москва 1958).
- M.W. Janis, J.E. Noyes, *Cases and Commentary on International Law*, St. Paul, Minn. 1997.
- R.A. Kalamkarian, *Mezhdunarodno-pravovoe znachenie odnostoronnikh iuridicheskikh aktov gosudarstv*, Moskva 1984 (Р.А. Каламкарян, *Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств*, Москва 1984).
- L. Kamarovskii, *Osnovnye voprosy nauki mezhdunarodnogo prava*, Moskva 1895 (Л. Камаровский, *Основные вопросы науки международного права*, Москва 1895).
- S.A. Melnik, *Odnostoronnie akty gosudarstva v sovremennom mezhdunarodnom prave*, Odessa 2011 (С.А. Мельник, *Односторонние акты государства в современном международном праве*, Одесса 2011).
- A. Merezko, *Russkaia nauka mezhdunarodnogo prava v period Pervoi mirovoi voiny*, Odessa 2014 (А.А. Мережко, *Русская наука международного права в период Первой мировой войны*, Одесса 2014).
- L. Oppenheim, *International law: a treatise*, London 1920, Vol. 1.
- I. Rogalevich, *Kratkii kurs po mezhdunarodnomu pravu*, Sankt-Peterburg 1902 (И. Рогалевич, *Краткий курс по международному праву*, Санкт-Петербург 1902).
- W. Schücking, H. Wehberg, *Die Satzung des Völkerbundes*, R.G. 1921.
- E. Von Ullmann, *Das öffentliche Recht der Gegenwart*, Tübingen 1908.
- F. Williams, *Recognition*, «Transactions of the Grotius Society» 1929, Vol. 15.
- M.A. Zimmerman, *Vmeshatelstvo i priznanie v mezhdunarodnom prave*, Praga 1926 (М.А. Циммерман, *Вмешательство и признание в международном праве*, Прага 1926).